

**СТРУКТУРА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН В БССР В 1921–1939 гг.:
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

канд. ист. наук, доц. Н.В. ДОВГЯЛО, канд. ист. наук, доц. Е.Н. БОРУН
Полоцкий государственный университет

Описаны выводы, полученные в результате анализа статистических материалов, позволяющих реконструировать половозрастную и социальную структуру религиозных обществ 1921-1939 гг. Для получения максимально объективной информации, данные анализа регистрационных списков, сопоставляются с отчетами местных органов власти, источниками конфессионального происхождения и результатами социологических исследований. Сравниваются также социально-демографические характеристики общин различных конфессий, в частности православной и протестантских.

Первичные статистические материалы, позволяющие реконструировать половозрастную, социальную, образовательную структуру религиозных общин в 1921-1939 гг., можно получить из регистрационных списков верующих. Эти списки составлялись или руководителем или секретарем общин для предоставления в административные органы. Данные статистические источники изучались с помощью количественных методов. Имеющийся корпус источников сохранился частично и представляет собой «естественную выборку». Списки верующих религиозных общин неравномерно распределены по годам и населенным пунктам, что создает определенные трудности при реконструкциях и корректной интерпретации полученных результатов. Для получения максимально объективной информации, данные анализа регистрационных списков можно сопоставить с данными отчетов местных органов власти (окружных администраций, органов ГПУ), источниками конфессионального происхождения и социологическими опросами.

Процессу регистрации религиозных обществ, уделялось особое внимание. Благодаря ему, власти получали исчерпывающую информацию о количестве верующих и уровне религиозности населения. Религиозным организациям без регистрации не разрешалось осуществлять ни один вид деятельности. При перерегистрации религиозные группы должны были представить списки членов церковного, костельного, синагогального советов с указанием времени организации Совета и его точного адреса, в списках членов совета указать их имена, отчества и фамилии, возраст, социальное происхождение и положение, образование, род занятий до революции и в настоящее время, партийность, семейное положение и точный адрес. Религиозные общества (объединения), кроме выше обозначенных сведений, должны были предоставить копию устава, список всех членов объединения на день перерегистрации. Кроме этого, предоставлялись отдельные анкеты на каждого служителя культа как светского, так и монашествующего, со следующими сведениями: вероисповедание, имя, фамилия, отчество в миру

и по рукоположению, сан (духовное звание), к какой ориентации примыкает и ранее примыкал, местожительство, служба с названием церкви, костела, синагоги, год и место рождения, образование, время и причины, побудившие к поступлению в духовное звание, какие награды, когда и за что получал, место и род прежней службы, состоял ли в каких-либо политических и прочих общественных организациях до Октябрьской революции, социальное происхождение, семейное положение, имущественное положение, наличие судимости. Фактически мы имеем дело с достаточно полным досье, позволяющим при фронтальной обработке источника выйти на целый ряд демографических и социально-экономических процессов.

Виновные в несвоевременной регистрации, совершенно незарегистрированные, а также давшие неправильные сведения при регистрации подвергались в административном порядке штрафу до 100 руб. или принудительным работам до одного месяца. Наблюдение за исполнением постановления возлагалось на милицию, райисполкомы и сельсоветы [11, л. 26]. Некоторым общинам было отказано в регистрации, так как в составе их учредителей фигурировали лица, находящиеся под следствием за контрреволюционную деятельность [2, л. 55]. Также причиной отказа в регистрации было нарушение форм предоставления сведений. Религиозные группы, не зарегистрированные к указанному сроку, прекращали свою деятельность

В книге регистрации религиозных обществ Витебской губернии за 1923 г. было зарегистрировано 456 групп. Большинство из них принадлежало православной и иудейской конфессиям. Самая большая религиозная группа, состоявшая из 1324 человек по списку, находилась в Бочейковском уезде и принадлежала православной церкви. Однако подавляющее большинство зарегистрированных религиозных обществ не превышали необходимых для регистрации 50 чел. [3]

Анализ социальной и организационной структуры православных общин (на примере Витебского округа) позволяет сделать выводы о том, что православные общины находились в стадии демографической старости, самой многочисленной возрастной группой являлась группа верующих от 40 до 49 лет. Это вполне объяснимо тем фактом, что в тот период при декларируемой свободе вероисповеданий Православная церковь на Беларуси находилась на положении преследуемой конфессии. Наибольшее количество общин состояло из 50–59 верующих (минимальное количество, необходимое для регистрации), 98,48% верующих – сельское население [4, с. 184]. Главная роль в половозрастной структуре общин принадлежала мужчинам (89 % от общего количества верующих, в границах каждого религиозного объединения как минимум 56%).

К концу 1920-х гг. половозрастная структура православных общин изменилась. Социологическое исследование 1929–1930 гг. в БССР обозначило следующие тенденции, а именно: процент верующих женщин был намного выше, чем верующих мужчин (42,7% против 21,6%); сельское население было более религиозно, чем городское (31,1% против 14,7%); существенные различия наблюдались в восприятии религии различными возрастными группами (среди респондентов старше 50 лет верующих было 73%, тогда как в возрастной группе 17–19 лет только 10,9%) [5, с. 14-19].

В отчетах местных властей о политическом положении в округах, также подчеркивается, что уровень религиозности населения также зависел от возраста и пола: «Старики

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

и женщины в подавляющем большинстве религиозны. Средний возраст уже сомневается в существовании бога, но в церковь заглядывает. Рост антирелигиозного настроения можно отнести только к молодежи» [6, л. 94]. Эту ситуацию подтверждают и источники конфессионального происхождения. В переписке Синода с Гомельским епархиальным управлением за 1926–1928 гг. указывается следующее: «Ярким показателем религиозного равнодушия является малая посещаемость храмов. Мужское население по воскресным и праздничным дням на богослужениях почти не бывает. Среди мужской молодежи посещение храма считается дурным тоном, признаком отсталости»; «при современном безразличном отношении верующих к религии наши сельские храмы в рядовые праздники и воскресные дни бывают почти пусты» [7, л. 53].

Более высокая степень религиозности женщин фиксируется еще с конца XIX века и подтверждается тем, что в монастырях белорусско-литовских епархий с конца XIX века прослеживается тенденция преобладающего роста числа монахинь и послушниц. Анализируя данные о количестве желающих посвятить себя монашескому служению, можно выявить, что с 60-х г. XIX в. женщин-послушниц стало значительно больше, чем послушников в мужских монастырях. Так, желающих стать послушницами в 1903 г. в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре насчитывалось 100 человек, а в идентичном по положению Витебском Марковом мужском монастыре находилось лишь 13 послушников. В среднем в одном штатном женском монастыре проживало около 120 насельниц: 30 монахинь и 90 послушниц. В мужских штатных, проживало в среднем около 25 человек: 14 монахов и 11 послушников [8., с. 17]. Численность насельниц женских монастырей к 1917 г. превосходило монашествующих мужских монастырей более чем в 3,5 раза. Принять всех желающих функционирующие женские монастыри на территории Беларуси не могли. По этой причине ряд мужских монастырей: Вербиловский, Тадулинский, Чонский, Макарьевский, Мстиславский Тупичевский были в женские. В результате реорганизации в Вербиловском монастыре численность насельниц увеличилась в 13 раз, в Тадулинском монастыре – в 5 раз, в Чонском монастыре – в 7.

Высокую степень религиозности женского населения доказывает и активное участие женщин в массовых выступлениях против конфессиональной политики властей в БССР. В 1929 г. из 1307 массовых выступлений на территории Советского Союза, в 486 случаях они были исключительно женскими по составу участников, а в 67 случаях – женщины преобладали [9, с. 418]. По БССР точные статистические данные отсутствуют, но данную тенденцию подтверждает выдержка из докладной записки об искривлениях, допущенных в церковном вопросе, от 14 мая 1930 г.: «зафиксированы неоднократные выступления с участием по 100–200 человек, особенно женщин, с требованием об освобождении попов» [10, л. 6].

Протестанты, в отличие от православных, не испытывали серьезных препятствий в своей деятельности. Более того для подрыва социальной базы православной церкви, советское правительство первоначально поощряло рост протестантских групп. Поэтому в 1921-1929 гг. общины баптистов и евангельских христиан имели достаточно молодую демографическую структуру. Основным источником информации о структуре протестантских общин являются списки для регистрации. На основании их анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) в составе общин преобладали люди среднего возраста от 25 до 55 лет;
- 2) молодежь составляла 25(22) % от общего числа зарегистрированных;
- 3) соотношение мужчин и женщин было практически равным. Это объясняется тем, что к протестантским общинам в основном присоединялись семьями;
- 4) по социальному положению сектантские общины состояли из бедняков (55%) и середняков (45%) [11, л. 24].

На протяжении 1929–1939 гг. демографическая ситуация в общинах менялась. В большинстве объединений отмечаются значительные процессы старения, что было связано как с естественными демографическими процессами, так и с внешним воздействием со стороны органов исполнительной власти и силовых структур. С 1929 г. обвинения в контрреволюционной деятельности стали поступать в адрес протестантских общин. Появились заявления о том, что сектантство не однородно по своему идеологическому содержанию и по своему отношению к Советскому государству, так как некоторыми сектантскими организациями ведется антигосударственная работа: против обороны Советского государства, против его налоговой политики и т.д. [12, л. 57]. С этого времени в докладных записках партийных руководителей начала появляться информация о контрреволюционной деятельности сектантов. В докладной записке о состоянии и работе Катковского сельсовета за 1930 г. указывалось, что евангелистско-баптистская секта (54 человека, немцы по национальности) «открыто проводит свою контрреволюционную работу и тормозит проведение всех политико-хозяйственных компаний. В борьбе против коллективизации и мероприятий власти сектанты действуют через бедноту. В результате их агитации бедняк М. Макаренко заявил «нам не надо коммунистов и не навязывайте их нам». Баптист-середняк Г. Фридрих говорил, «если бы мне предложили колхоз или виселицу, то я бы согласился лучше бы идти на виселицу» [13, л. 63].

В монографии Д. Хайтуна «Сучаснае сектанцтва» (1929 г.) представлены следующие данные: протестантские общины состояли на 35% из мужчин и на 65% из женщин, по социальному составу: 16,4% – кулаки, 55% – середняки, 28,6% – бедняки. Относительно возрастных характеристик: 22% лиц 16-25 лет, 33% - 25-45, 45% - старше 45 лет [14, с. 36].

По мнению местных органов власти, причинами активного распространения баптизма и евангелизма являлись следующие: раскол православной церкви, отсутствие авторитета у православного духовенства, отсутствие священнослужителей в приходах других конфессий, поддержка баптистского движения из-за границы (деньги и литература), правильное (примерное) поведение самих баптистов [15, л. 442]. Можно предположить также и то, что рост количества членов протестантских общин связан в первую очередь с нежеланием молодых людей служить в армии. Женщин привлекало более лучшее, равноправное положение женщины в семье сектантов,

В 1928 – начале 1929 гг. структура протестантских общин принципиальным образом не изменилась. По социальному составу эти группы являлись в основном середнячками, по полу – преобладающее большинство – женщины, преимущественно средних лет. По национальности – в основном белорусы, поляки, латыши, немцы.

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый (1917–1945 г.)

Таким образом, при изучении половозрастных характеристик верующего населения, во время работы со статистическими источниками использовались количественные методы. Данные анализа регистрационных списков сопоставлялись с данными отчетов местных органов власти (окружных администраций, органов ГПУ), источниками конфессионального происхождения и социологическими опросами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2786. Белорусский православный Синод. – Оп. 1. Д. 134. Переписка Синода с ЦИК и НКВД БССР, Могилевским окрисполкомом и др. учреждениями. 1926 – 1927 гг.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2356. Оп. 1. Д. 24. Сведения о количестве религиозных общин в БССР. 1925–1926 гг.
3. ГАВО. – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 693. Книга регистраций религиозных обществ Витебской губернии. 1923 г.
4. Карпекін, К. Прусаўлаўныя абшчыны мястэчак і весак Беларусі ў пачатку 1920-х гг.: сацыяльная і арганізацыйная структура (на прыкладзе Віцебскага павета) / К. Карпекін // Хрысціянства в Беларусі: історыя і сучаснасць : сб. науч. ст. / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 494 с.
5. Вольфсон, С.Я. Сучасная рэлігійнасць: Паводле матэрыялаў даслед. ў БССР / С.Я. Вольфсон // Працы Бел. акад. навук, каф. марксізму-ленінізму / Выд. Бел. акад. навук. – Мінск, 1930. – Вып. 1. – 118, [1] с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1720. Политписьма секретарей райкома КП(б)Б об экономическом состоянии и политическом положении в округах. 1924–1925 гг.
7. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 361. Переписка Синода с Гомельским епархиальным управлением за 1928 г.
8. [Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–1891 гг. / сост. Ив. Преображенский. – СПб., 1897. – III, 236 с.
9. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства) / И.А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 701 с
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030. Докладная записка об искривлениях, допущенных в церковных вопросах. 1930 г.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1699. Информационные отчеты окружкомов КП(б)Б. 1924 г.
12. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 204. Указания, переписка о проведении подготовительной работы по сельхозналогу, об оживлении работы советов и вовлечении в них крестьянства, о порядке проведения хлебазаготовок, о сектантском движении и антирелигиозной пропаганде. 1925 г.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5077. Циркуляры ЦК КП(б)Б, протоколы заседаний бюро райкомов КП(б)Б, докладные записки об антисоветской и контрреволюционной деятельности евангелистско-баптистской секты в Хатковском с/с Наровлянского района. 1930–1931 гг.

14. Хайтун, Д. Сучаснае сектанцтва на Беларусі / Д. Хайтун. – Минск : Белдзяржвыд, 1929. – 72 с.
15. ГАВО. – Ф. 10061. Оп. 1. Д. 42. Информационные сводки окротдела ГПУ и 9-го пограничного отряда окружкому партии. 1925 г.

**STRUCTURE OF RELIGIOUS COMMUNITIES IN BSSR IN 1921–1939:
METHODS OF STUDY AND COMPARATIVE ANALYSIS**

N. DAUHIALA, A. BARUN

The article describes the conclusions obtained as a result of the analysis of statistical materials that allow us to reconstruct the sex-age and social structure of religious societies of 1921-1939. To obtain the most objective information, the data of the analysis of the registration lists are compared with the reports of local authorities, sources of confessional origin and the results of sociological research. Socio-demographic characteristics of the communities of various confessions, in particular Orthodox and Protestant, are also compared.